

Российская Академия Наук
Институт философии

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
№ 11

Москва
2004

УДК 87.3
ББК 10(09)4
И 90

Редколлегия

*В.А. Жучков, А.В. Панибратцев, А.М. Руткевич (отв. ред.),
А.В. Смирнов, Г.М. Тавризян*

Отв. редактор номера

В.Г. Лысенко

Рецензенты

*доктор ист. наук В.П. Андросов
доктор филос. наук В.К. Шохин*

И 90 История философии № 11. – М., 2004. – 249 с.

Второй индологический выпуск «Истории философии» (первый: № 7, 2000) включает статьи и публикации исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Литвы и США. Основные его темы: логика и методология, философия языка, теология (Кашмирский шиваизм). Рассматриваются также и другие темы, например сравнение теории сознания Юнга и буддийской «Абхидхармакоши», «парсизм» немецкого писателя и индолога Отмара Франка. Предлагается первый перевод на русский язык трех санскритских текстов: «Парамартха-сара» (Сердцевина высшей истины) Абхинавагупты, «Пурушартха-сиддхьяпая» (Средство достижения цели души) Амритачандры Сури и «Гарбха упанишада» (Упанишада зародыша) Пиппалады.

Издание рассчитано на историков философии и всех интересующихся индийской культурой.

От составителя

Второй «индологический» выпуск «Истории философии» (первый: История философии. № 7. М., 2000) существенно расширил свою «географию». В нем собраны статьи исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, США и Литвы. И в тематике тоже произошли изменения. Наряду с уже традиционными для отечественной индологии темами – логикой, эпистемологией, сравнительной философией, появилась и новая – антропология (публикация «Гарбха упанишады» О.В.Строгановой, см. ниже).

Сравнительно новым является обращение наших авторов к Кашмирскому шиваизму – религиозно-философскому направлению, чрезвычайно популярному и изучаемому на Западе, но очень мало известному в нашей стране. Между тем философы этого направления Утпаладева, Кшемараджа, и особенно Абхинавагупта (10–11 вв.) создали множество интереснейших религиозно-философских трудов, в которых переосмыслена вся индуистская и буддийская философская традиция и создана уникальная монистическая система, названная ее авторами «пара-адвайтой» – «высшей недвойственностью». В сборнике впервые публикуется в русском переводе один из самых известных текстов этого направления, который считается своеобразным учебником по Кашмирскому шиваизму – «Парамархта-сара» (публикация М.С.Денисовой и Ю.В.Денисова).

Статья Аудриуса Бейнорюса «Шактипата: «нисхождение благодати» в Кашмирском тантризме» знакомит нас с одним из важнейших понятий этого направления – «благодатью» (*ануграха, шактипата*). В авраамитских религиях считается, что благодать нельзя заработать, заслужить, она есть дар – дар Бога человеку, мотивы которого скрыты от людей. С другой стороны, известны религии спасения собственными силами, такие как буддизм и джайнизм, где «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Для более полной «расстановки сил» вспомним еще и вишнуизм с его беспрекословным подчинением воли человека Божественной воле. В Кашмирском шиваизме ситуация особая – парадоксальная. Здесь по сути нет дистанции между Богом и человеком, каждый человек по своей глубинной сути есть Шива. Если Шива ниспосылает благодать, то он как бы ниспосылает ее самому себе. В то же время Кашмирский шиваизм признает и важную роль собственных усилий. Как одно может сочетаться с другим? Об этом и рассуждает в своей статье Аудрюс Бейнорюс.

Рубрика логики и методологии представлена тремя фундаментальными статьями. Исследование И.В.Маневской и Д.В.Оленева «О роли тантра-юкти в индийской интеллектуальной традиции» посвящено *тантра-юкти* – средствам построения и истолкования индийских научных текстов (*шастр*). Авторы не ограничиваются перечислением и описанием *тантраюкти*, а дают анализ истории их возникновения и эволюции, а также пытаются осмыслить их значение для формирования системы знания в Индии. Все известные *тантраюкти* и их разновидности сведены в таблицу, которая приводится в приложении. М.В.Мютель («К истории понятия определения в индийской мысли (вьякарана и «классическая ньяя») прослеживает историю формирования понятия и термина определения в грамматической традиции и анализирует функционирование определения в ньяе, сохраняя при этом и компаративистскую перспективу – сопоставление индийской *лакшаны* и западного дефинирования. Вывод, к которому она приходит, очень важен: несмотря на некоторые моменты сходства, традиции толкования определения в Индии и в западной эпистемологии существенно расходятся: «...понятие определения в индийской традиции не следует считать эквивалентом западного представления о дефинировании. Оно предназначалось для решения вполне конкретных задач и не носило общеметодологического характера» (с. 49).

Неожиданным образом соприкасается с логикой и такая, казалось бы, далекая от нее область, как индийская поэтика. С.О.Цветкова показывает, что поэтические украшения (*аламкара*), призванные служить косвенными, метафорическими средствами указания на замысел литературного текста, – это по сути логические фигуры, при классификации которых индийские теоретики поэзии стремились брать за основу те или иные логические принципы, например принцип противоречия, отношения причины и следствия, вмещаемого и вмещающего и т.п. Однако логические методы, по мнению автора статьи, используются лишь как одна из возможных «форм мысли», а логическая терминология указывает лишь на обычный для санскритских *шастр* метод описания; принцип же построения *аламкар* отсылает прежде всего к «раскрытию» различных аспектов *функции языка*, которую древнеиндийские лингвисты называли «вторичным значением» (*лакшаной*), или иносказанием.

Еще одна статья на тему индийской литературной традиции, но в совершенно другом аспекте – это работа М.И.Петровой «Пред-

ставления о времени и действии в древнеиндийском эпосе (на материале «Шантипарвы» и «Анушасанапарвы»)). Автор этой статьи выявляет закономерную связь между характером действий героев индийского эпоса и разными аспектами представлений о времени (*калавады*), свойственных именно этому жанру индийской литературы.

Последние четыре года оказались весьма продуктивными и для авторов лингвофилософских статей предыдущего выпуска (История философии № 7, 2000). С.С.Тавастшерна и В.П.Иванов дают нам новую возможность убедиться в плодотворности сочетания прекрасной лингвистической подготовки (знаний санскритской грамматической и лингвистической традиции) с философским подходом – с попыткой увидеть в, казалось бы, чисто грамматической или лингвистической проблеме определенную онтологическую или логическую подоплеку.

В статье «Терминология «силы» в трактате «Вакьяпадия» Бхартрихари» С.С.Тавастшерна рассматривает ключевой, без преувеличения, термин лингвистического монизма Бхартрихари – *шакти* (возможность, способность, потенция, сила). Фундаментальность статьи вполне отвечает важнейшей роли *шакти* в концепции Бхартрихари. После обзора основных значений этого понятия в ведийской литературе и у ранних грамматистов – Панини, Катьяяны и Патанджали, Тавастшерна подробно останавливается на его употреблении во всех трех книгах «Вакьяпадии» Бхартрихари, а в заключении исследует классификацию комментатора 3-ей книги – Хелараджи. Классификация *шакти*, по мнению Тавастшерны, представляет собой попытку индийских мыслителей создать типологию форм человеческой деятельности, важнейшей из которых для них является речь. «... сила означения, заложенная в слове, доводит до ума не предметы, не вещи, равно как и не знание о предметах или явлениях, а знание о силах, проявляемых в той или иной форме. Именно знание (о силах) ведет к наиболее результативному действию» (с.112).

В.П.Иванов («Определение предложения: ранняя миманса и व्याкарана») обращается к концепции предложения у грамматистов и последователей школы экзегезы ведийских текстов – мимансы. Заняться этой проблемой его побудил опять-таки Бхартрихари, который во второй книге своей «Вакьяпадии» критикует разные концепции предложения. Ни авторы этих концепций, ни школы, которым они могли принадлежать, Бхартрихари не упоминаются. Ком-

торый во второй книге своей «Вакьяпади» критикует разные концепции предложения. Ни авторы этих концепций, ни школы, которым они могли принадлежать, Бхартрихари не упоминаются. Комментаторы считают, что его оппонентами были в основном мимансаки и ранние грамматисты. Прояснение причин некоторых расхождений между их концепциями предложения чрезвычайно важно для истории индийской лингвистики и до сих пор еще никем не предпринималось в столь систематической и последовательной форме. Выводы, к которым приходит В.П.Иванов, имеют значение не только для собственно лингвистики (семантики), но и для истории индийской философии.

Сравнение Юнга с буддизмом вайбхашики, которое предпринимает в своей статье «Юнг и «Абхидхармакоша» Васубандху: некоторые параллели» И.Я.Ефимова, содержит известный вызов прежде всего юнговедам, которые не придают «восточным корням» основателя аналитической психологии сколько-нибудь серьезного значения. Автор выявляет некоторые, весьма убедительные, типологические параллели между его концепцией личности и буддийской теорией *тудгалы* (личности) как состоящей из пяти групп элементов (*скандх*).

А.В.Пименов занимается интереснейшей темой – индийскими «корнями» немецкого фашизма. В своей статье «У истоков «арийской теории»: «парсизм» Отмара Франка» он знакомит нас с колоритной фигурой одного из самых националистически настроенных немецких романтиков, невольно послушавшего предтечей «арийской теории» немецких фашиствующих националистов – Отмара Франка.

Среди публикаций этого номера, кроме уже упомянутой «Парамартха-сары», – два любопытнейших текста, которые могут заинтересовать не только специалистов, но и широкого читателя. «Гарбха упанишада» («Упанишада зародыша» – перевод и комментарий О.В.Строгановой) – текст довольно поздний, соединяющий сведения о строении и физиологии человеческого организма и его развитии, прежде всего в зародышевом состоянии, натурфилософские представления о микро-макрокосмических элементах и религиозную философию.

Другой текст – Амритачандра Сури. «Пурушартха-сиддхьяюпая» (Средство достижения цели души). Перевод с санскрита, введение и примечания Н.А.Железновой – принадлежит традиции джайниз-

ма. Известно, что джайны были последовательными адептами практики *ахинсы* – непричинения вреда. Текст посвящен именно этой теме. В нем с впечатляющими подробностями описано, как следует вести себя, что бы ни при каких обстоятельствах не нанести вред ни единому живому существу. А надо сказать, что, согласно джайнским представлениям, одушевлено практически все. Можно только удивиться невероятным предосторожностям, которые обязаны были соблюдать джайнские монахи в их каждодневном общении с окружающим миром.

В.Г.Лысенко

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

И.В.Маневская, Д.В.Оленев

О роли тантра-юкти в индийской интеллектуальной традиции*

Индийская шастра – сложное образование, включающее знание, построенное по определенным правилам и запечатленное в текстах таких жанров, как сутры, бхашья и т.д. Среди публикаций на тему шастры мы должны прежде всего указать классические работы С.Поллока¹. Опираясь на грамматическую традицию, этимологию и дефиниции в первую очередь в мимансе, Поллок интерпретирует шастру как выражение в тексте правил, норм мирского или божественного происхождения, которые регулируют деятельность людей². Жанру сутры посвящены не менее известные статьи Л.Рену³ и Я.Хубена⁴, Н.Бальбир⁵; к этим ссылкам можно добавить статью «Sūtra» в «Калататтва-коше»⁶.

Особый интерес для нашей статьи представляет деление сутр на *дескриптивно-нормативные* (дхарма-, грихья-, шраута-сутры, сутры Панини) и *аналитические* (к которому относятся сутры, оперирующие доводами в пользу той или иной отсылки, то есть в первую очередь сутры философских систем – даршан), которое мы находим в упомянутых работах Рену и Хубена. Авторы отмечают, что сутры даршан и аналогичные им тяготеют к использованию абстрактных существительных и сложных композит, а также избегают личных глагольных форм⁷. Уместно упомянуть исследования в области комментаторского жанра и герменевти-

* Статья излагает результаты исследования, которое оказалось возможным благодаря щедрой поддержке Gonda Foundation (The Netherlands). Авторы пользуются возможностью выразить чувство признательности В.Г.Лысенко, П.Градинарову и А.В.Парибку за обсуждение статьи и критические замечания. Разумеется, все оставшиеся незамеченными ошибки или недочеты следует относить исключительно на наш счет. Некоторые положения статьи излагались в докладе «Тантра-юкти» на Зографских Чтениях, апрель 2003 (СПб Филиал Института востоковедения, РАН).

ческих методов в разных традициях – труды Х.И.Кабесона⁸, П.Скиллинга⁹ и И.Бронкхорста¹⁰.

Наша статья посвящается одному из важнейших направлений в исследовании индийских «научных» текстов – теме средств их построения и истолкования, называемых *тантра-юкти* (tantrayukti). Как явствует из этимологии, «тантра-юкти» предназначены скреплять, связывать тантру (в данном случае синоним шастры) в единое целое, устраняя в ней изъяны¹¹. В этом отношении их вполне правомерно назвать средствами построения текстов шастр. Вместе с тем, *тантра-юкти* выступали еще и герменевтическими средствами. Например, автор «Чарака-самхиты» (Carakasamhitā, далее ЧС) отмечает, что тот, кто изучил *тантра-юкти*, легко постигает и другие шастры¹².

Хотя исследователи прослеживают истоки *тантра-юкти* к знаменитому «Восьмикнижию» (Aṣṭādhyāyī, V в. до н.э) Панини, находя в нем следы употребления некоторых *тантра-юкти* (прежде всего adhikāra, vidhāna, hetvartha, upadeśa, apadeśa и др.)¹³, все же в более или менее системном виде *тантра-юкти* упоминаются и разбираются несколько позднее. Самым ранним источником, который не только сообщает о *тантра-юкти*, но и приводит их определения вместе с примерами их применения, следует считать, видимо, «Артхашастру» (Arthashastra, далее АШ) Каутильи, датируемую ок. III века до н.э. Кроме того, списки *тантра-юкти* приводятся также в ЧС (ок. I в. до н.э.) и в «Сушрута-самхите» (Suśrutasaṃhitā, далее СС) (I–III в. н.э.), причем в первой приводится только список *тантра-юкти*, их определения, к сожалению, опущены. Разумеется, тема *тантра-юкти* затрагивается и в более поздних источниках, например в «Вишнудхармоттара-пуране» (Viṣṇudharmottarapurāṇa, далее ВДП), датировку которой по последним исследованиям следует относить не ранее чем к концу VI в. н.э.¹⁴, «Аштанга-санграхе» (Aṣṭāṅgasāṅgraha) Варбхаты (300–400 гг. н.э.), «Тантраюкти-вичаре» (Tantrayuktivicāra) Ниламегхи (IX в.). Впрочем, по сравнению с АШ, ЧС и СС списки *тантра-юкти* в более поздних источниках не претерпели существенных изменений. Так, список «Аштанга-санграхи» несущественно отличается от списка ЧС, ВДП почти без изменений воспроизводит список из АШ. Поэтому в настоящей публикации мы будем обращаться в основном к АШ, СС и ЧС. Списки названий *тантра-юкти*, засвидетельствованные в этих текстах, вместе с

их приблизительными переводами приведены в сводной таблице¹⁵, помещенной в конце статьи. Даже беглый просмотр таблицы показывает, что списки в большей своей части совпадают. И хотя более внимательное изучение определений *тантра-юкти* показывает, что одинаково называемые элементы списков могут иметь разные определения (и тем самым доля *тантра-юкти*, «совпадающих» во всех списках, несколько сокращается), все же можно сделать вывод, что *тантра-юкти* были вполне устоявшимся явлением еще до новой эры и согласиться с Г.Оберхаммером, пусть и с оговорками, что существовала единая традиция *тантра-юкти*¹⁶.

Наиболее полное описание *тантра-юкти* по максимально доступному количеству источников можно найти в монографии В.К.Леле [Леле 1981]. Правда, в известном словаре терминологии древнеиндийской схоластики, издаваемом австрийскими индологами¹⁷, они описываются гораздо подробнее, но, к сожалению, на данный момент в свет вышли только два первых тома. Остальные публикации носят скорее обзорный характер¹⁸. Нас в данном случае больше интересуют публикации, авторы которых стремились рассмотреть *тантра-юкти* в исторической перспективе – это работы В.Рубена [Рубен, 1926] и Г.Оберхаммера [Оберхаммер 1967–68], к которым мы будем обращаться по ходу статьи.

А теперь рассмотрим некоторые наиболее употребительные *тантра-юкти* и их определения:

uddeśa – краткое указание¹⁹;

АШ: краткое указание есть краткое высказывание. Пример: «обуздание *индрий*, основывающееся на учении и воспитании»²⁰.

СС: краткое указание есть краткое предложение. Пример: «хирургия» (*śalya*)²¹.

nirdeśa – детальное указание;

АШ: детальное указание есть аналитическое высказывание. Пример: «Победа над *индриями* заключается в должном восприятии²² *индриями* слуха, осязания, зрения, вкуса, обоняния звуков, объектов осязания, зримых образов, вкуса и запахов»²³.

СС: детальное указание есть распространенное высказывание. Пример: «(Хирургия бывает) «внутренней» (*śārīra*) и травматологией (*āgantuka*)»²⁴.

padārtha – значение слова;